

Роль голландцев в ирокезских войнах

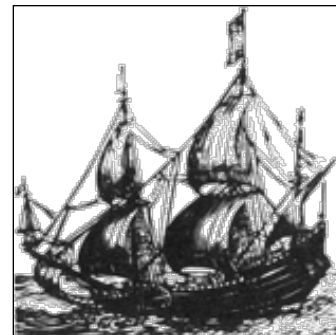
(http://www.mezoamerica.ru/indians/north/dutch_iroquois.html)

*Peter Lowensteyn: The Role Of The Dutch In The Iroquois Wars.
Перевод Сергея «Ирокеза», редакция перевода Эльвины*

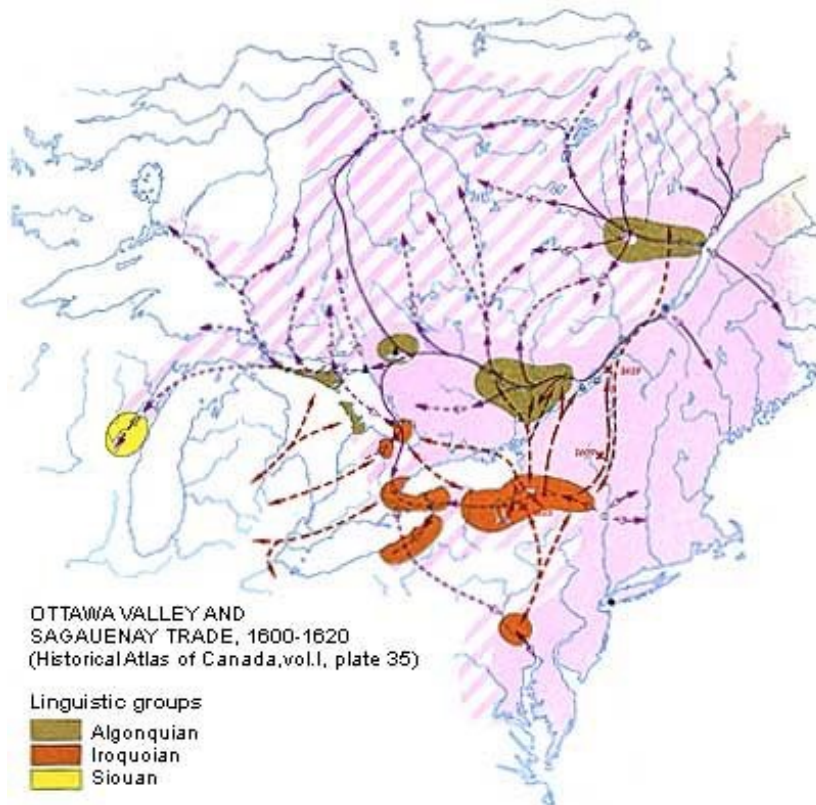
1. Вступление

Уже в 1606 году голландцы предприняли исследование реки Св.Лаврентия в поисках пушнины, бросая вызов французской монополии. В том же году голландское судно «Witteleeuw» захватило два французских корабля, а также некоторое количество китового жира, оружия и трески с испанских и португальских кораблей.¹

В это же время голландцы начали предпринимать и более законные шаги в Северной Америке. Вслед за исследованиями, которые за год до того провел для голландцев Генри Гудзон, 26 июля 1610 года Арноут Фогельс из Амстердама нанял корабль, называемый «de Нооре». Ранее Фогельс торговал с Россией, и еще тогда ему было отказано в праве торговать с Новой Францией.²

Он решил обойти французскую монополию посредством прямой торговли с индейцами на недавно открытой реке Гудзон, а также вошел в партнерство с двумя французскими торговцами, которые получили возможность торговать с Новой Францией, поскольку права монополии Де Монта истекли в январе 1609 года и торговля открылась для всех французов. Таким образом, в Северной Америке началась конкуренция и одновременно сотрудничество французских и голландских интересов в пушной торговле. Вскоре в торговлю вступили другие голландцы. Ламберт Ван Твенхузен (Lambert van Tweenhuysen) основал торговую

компанию по добыче ценных мехов бобра и выдры, тогда как Адриан Блок (Adriaen Block) не только торговал пушниной, но и вёл важную картографическую работу вдоль побережья Новой Англии.³

Торговля в Северной Америке была довольно рискованным делом. Такие риски могли обернуться прибылью, но могли привести и к финансовому краху. Только компании с большим капиталом имели достаточные финансы для строительства фортификаций и содержания в них постоянного персонала. В отличие от мобильной торговой точки-судна, которое поддерживало бы торгово-обменные отношения с индейцами по мере того как сойдет лед и отправлялось бы с грузом пушнины в обратный путь, постоянный населенный пункт с проживающим круглый год персоналом имел возможность продолжать исследования в течение летнего и осеннего сезонов. Таким образом, можно было наладить контакты с самыми удаленными индейскими племенами.

Компании с солидным капиталом имели также больше шансов на получение монопольных прав от голландского правительства, что уменьшало риски и увеличивало прибыль. 1 января 1615 года Новая Нидерландская Компания (New Netherland Company) получила право монополии сроком до 31 декабря 1617 г. В 1618 году торговля с колонией была объявлена открытой, и конкуренция между Новой Нидерландской Компанией и независимыми торговцами приобрела более энергичный характер.

3 июня 1621 г. была образована Вест-Индская Компания. По тем временам она была огромным предприятием. Вначале эта компания создавалась с целью причинения как можно больших неудобств испанскому торговому флоту угрозой пиратства, затем в течение нескольких лет компания проводила активную деятельность в Бразилии, а впоследствии получила монополию на торговлю со всей Северной Америкой.

Вест-Индская кампания получала более широкое финансирование, чем предыдущие компании, однако и ей пришлось столкнуться с теми же четырьмя главными проблемами, которые встали перед Новой Нидерландской Компанией:

- (1) учреждение регулярного судоходного сообщения с Новой Голландией,
- (2) налаживание контакта с как можно большим количеством индейских племен,
- (3) стимулирование охотничьей деятельности индейцев,
- (4) продажа пушнины на европейском рынке.⁴

Смыслом внедрения Вест-Индской кампании в Северную Америку была торговля, а не колонизация земель или возведение империи. В этом отношении, деятельность голландцев в Северной Америке имела много общего с деятельностью французов, и одновременно резко отличалась от политики британцев в Новой Англии, - в частности, в Вирджинии, где британцами были сделаны серьезные попытки создания постоянных поселений колонистов.⁵

Трудно установить, смогла ли Вест-Индская кампания заработать значительную прибыль в Северной Америке. Плохое администрирование на местах, постоянное присутствие незаконных торговцев, британское вмешательство и множество конфликтов с индейцами по нижнему течению Гудзона сделали управление дорогостоящим.⁶ В 1639 году низкие коммерческие показатели привели к аннулированию монополии Вест-Индской компании, однако ее корабли продолжали перевозить товары.⁷

Хотя Вест-Индская компания и не стремилась к основанию крупных поселений, тем не менее, к тому времени назрела необходимость в постоянной торговой миссии. Еще в 1614 году Новая Нидерландская Компания учредила факторию на территории острова посреди реки Гудзон, в нескольких лигах от устья реки Мохок, где та впадает в Гудзон. Этот пост назывался Форт ван Нассау (Fort van Nassoueen).⁸ Это было весьма незначительное укрепление, небольшой редут, окруженный рвом и вооруженный двумя чугунными и одиннадцатью легкими орудиями; его гарнизон состоял из десяти-двенадцати человек.⁹ Остров этот, однако, был подвержен наводнениям, и поэтому вскоре пришлось строить новый форт, который был назван Оранж (Oranje) (сегодняшний Олбани (Albany)). В 1624 году около форта обосновались несколько голландских и валлонских семейств.

В 1630 Килиен ван Ренсселер (Kiliaen van Rensselaer) купил земельные владения, окружавшие Форт Оранж и назвал эту область Ренсселервик (Rensselaerwuyck). Хотя Килиан и был «патроном» этого поместья, он никогда его не посещал, возложив все управление на членов своей семьи. Его основной целью было развитие сельского хозяйства в основанной колонии и получении дополнительного дохода от торговли пушниной.

Колония развивалась очень медленно, и ван Ренсселер обвинял в этом политику Вест-Индской Компании. Как директор Компании, ван Ренсселер надеялся на расширение своих владений, однако к тому времени как он купил эти земли, руководство Вест-Индской компанией уже перешло к тем, кто стремился укрепить ее монополию, поэтому ван Ренсселеру пришлось довольствоваться менее прибыльными сделками, и уже вне рамок Компании.¹⁰

В последующие годы в Ренсселервик прибыли новые поселенцы, однако если даже «Новый Амстердам» в то время называли «кротовой норой», то поселок вокруг форта Оранж был и того меньше.¹¹

В 1646 году Отец Исаак Жог (Isaac Jogues), который был выкуплен голландцами у мохоков, написал, что Форт Оранж представлял собой не более чем «незначительный форт, построенный из бревен, с четырьмя-пятью пушками Бретой (Breteuil) и таким же количеством вертлюгов».¹²

Далее он упомянул, что колонию ван Ренсселера «составляет сотня человек, проживающих на берегу реки, так как это представляет определенное удобство... Их дома построены из досок и крыты соломой. Каменную кладку можно наблюдать разве что в дымоходах. Так как окружающие леса изобиловали соснами, то на лесопилках производились доски. Все торговали свободно, поэтому индейцы покупали вещи задешево, вдобавок каждый голландец старался перебить цену у соседа, и все были довольны, если удавалось получить небольшую прибыль».¹³ Другие поселенцы жили изолированно на своих фермах, рассеянных по обширной холмистой территории. В 1635 году были расчищены только пять ферм.

Низкие торговые показатели, вызванные множеством войн с индейцами в период 1630–40 гг., неурожайные годы, разрушительные наводнения, а также сомнения в правах собственности после завоевания Новой Голландии британцами в 1664 году, сдерживали рост благосостояния семейства Рансселлеров в Северной Америке. Только после 1740 года семья смогла улучшить свое положение.

Остальная часть переселенцев жила значительно хуже, нежели ван Ренсселер.¹⁴ В течение всего семнадцатого столетия голландское поселение вокруг Форта Оранж было малочисленным и небогатым. Оно находилось на верхнем Гудзоне на значительном удалении от Нового Амстердама, как в географическом так и политическом отношении, и заинтересованность его жителей в пушной торговле часто противостояла фермерским устремлениям поселенцев по нижнему течению Гудзона. Даже когда колония перешла в другие руки (1664), изменились только названия поселков, а политические отношения остались прежними.¹⁵

2. Индейско-голландские отношения

Отношения между голландцами и индейцами строились на реалистичной основе. Каждая из сторон признавала необходимость другой стороны. Голландцы, поселившиеся вокруг Форта Оранж, пришли сюда ради торговли, и хотя ван Ренсселер купил эти земли в 1630 г. у потерпевших поражение махиканов, земля была по-настоящему выкуплена только в 1661 г. Арентом ван Кюрлером у мохоков.¹⁶

Торговля была тем связующим звеном, которое заставляло ирокезов и голландцев держаться вместе. Несмотря на вспышки личной или расовой вражды, общие торговые интересы сводили число конфликтов к минимуму.

Первый и последний большой конфликт с мохоками произошел в 1626 году, когда командующий Крикенбек ввязался в войну между мохоками и махиканами, заплатив за это жизнью. Позднее мохоки принесли извинения за совершенные ими убийства, заявляя, что они никогда раньше не нападали на белых, и спрашивали, зачем последние вмешались в эту войну – если бы они этого не сделали, то мохоки бы не стали бы поступать так, как они поступили.¹⁷ Но это было всего лишь дипломатическое красноречие, так как мохоки хорошо знали, почему голландцы вмешались в конфликт, вызванный намерением мохоков монополизировать торговлю с голландцами и нежеланием махиканов дать мохокам свободный доступ к Форту Оранж.¹⁸ В 1628 году мохоки вытеснили махиканов с этой территории и установили ту схему торговых отношений, которая смогла продержаться достаточно долгое время. Голландцы же предпочитали иметь дело с множеством разных племен, и вести с ними своеобразную дипломатическую игру, направленную на снижение цены на пушнину. Теперь же голландцы были вынуждены торговать только с мохоками. Такой поворот в отношениях не нравился голландцам, и они всячески пытались разрушить мирное равновесие между мохоками, французами и алгонкинскими племенами.¹⁹ Сами мохоки старались навязать себя голландцам в качестве единственных коммерческих посредников, но в тоже время пытались завязать дружеские отношения с французами.

Но мохокам не приходилось выбирать. Возрастающие силы их алгонкинских соседей и гуронов грозили окружением и вытеснением мохоков из основных сфер торговли с европейцами. С невероятными усилиями мохокам удалось изжить махиканов, сначала заручившись мирным договором с французами, который в 1624 году обезопасил их северный фланг.²⁰

В силу своей малочисленности поселенцы находились целиком во власти мохоков, однако индейцы нуждались в европейских товарах. Поэтому у голландцев не было особых причин опасаться мохоков, и тем не менее, постоянные конфликты с индейцами по нижнему течению Гудзона все же имели место. Мохоки были нужны жителям северных поселков в качестве защиты от «речных индейцев», принадлежавших к алгонкинской группе индейских племен, которые рассматривали голландцев как союзников своих традиционных врагов – мохоков.

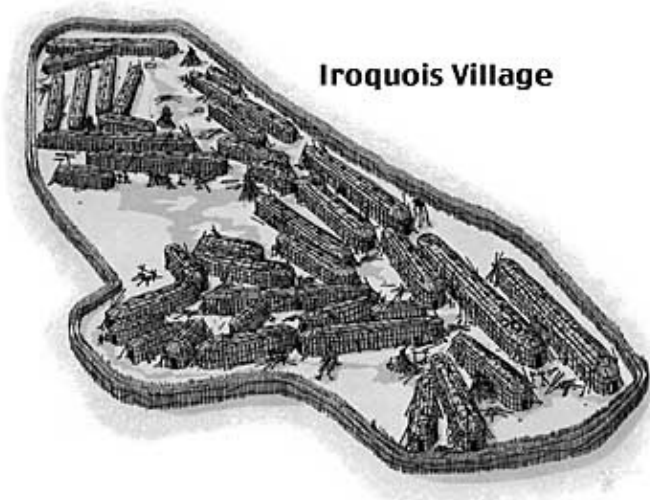
Вражда между мохоками и махиканами продолжалась и в 1660-х годах. Конфликты с индейцами-эсопусами были вызваны неадекватной политикой голландской администрации, сосредоточенной в Новом Амстердаме. Голландцы, проживающие в Форте Оранж, прекрасно знали, что вся вина лежит на их соотечественниках, и поэтому всячески пытались ублажить мохоков в надежде, что те могут предотвратить образование «общего фронта» ирокезских и алгонкинских племен, который будет направлен против поселенцев. ²¹

Мира между различными индейскими племенами на Гудзоне не удавалось достичь вплоть до 1671 года.²² Для жителей Форта Оранж было бы предпочтительнее, если бы мир заключили еще раньше, но Иеремия ван Ренсслервик (Jeremiah van Renssalaerwuyck) еще находился в определенной зависимости от Нью-Йорка.²³

Французы были обеспокоены тем, что их дружба с мохоками означала одновременное отчуждение от алконгинов и гуронов. Перемирие между ирокезами и алгонкинами ставило под угрозу переориентацию пушной торговли из Квебека в Форт Оранж. Поэтому перемирие в районе Великих Озер и реки Св.Лаврентия было бы выгодно для мохоков при том условии, если бы пушнина поступала в Форт Оранж от как можно большего количества индейских племен, а сами мохоки служили бы единственными посредниками в этой торговле.

Другие ирокезские племена тоже предпочитали мирные отношения, так как в этом случае им представлялась возможность торговать с голландцами и французами, однако постоянное доминирование мохоков их постоянно раздражало. Мир был выгоден и французам, пока они могли держать под контролем свой союз с гуронами и сдерживать отправку пушного товара в направлении Гудзона.

Очевидно, что с таким множеством противоречивых целей, долгосрочного мира достичь было практически невозможно, хотя каждая сторона отдавала себе

отчет, что военные действия могли бы серьезно повредить пушной торговле.

Как мохоки, так и голландцы хорошо осознавали, что они могут потерять всё, и ничего не приобрести взамен, если между ними начнется война. «Эти две расы гораздо чаще рассматривали друг друга как источник взаимного экономического благополучия, и гораздо реже – как кукурузных воришек, нарушителей границы и «индейских дарителей» («Indian givers»^{*}); в таком контексте, их личное мнение друг о друге уже не представлялось существенным».²⁴

Прибытие европейцев оказало глубокое влияние на индейцев Великих Озер и реки Св. Лаврентия, и кроме того, оно дало возможность ирокезам заблаговременно извлечь выгоду из своего случайного географического местонахождения.

Ирокезская Конфедерация не была задумана в качестве мощной военной машины. Коношиони, или Люди Длинного Дома, были земледельцами-охотниками с сильной традицией воинов-охотников. Это был малочисленный и неагрессивный народ, который был вытеснен со своих земель гуронами и алгонкинскими племенами. Прибытие европейцев не остановило рост могущественной ирокезской нации, как полагал Паркман и другие романтические историки,²⁵ - скорее, ирокезы получили блестящую перспективу, которой они очень ловко воспользовались, не став при этом заложниками европейской политики.

Не стоит преувеличивать значимость Конфедерации ирокезов, так как ирокезы продолжали существовать на индивидуальном племенном уровне, и стали представлять из себя реальную силу только после 1630 г.²⁶ Даже спустя некоторое время, каждая из наций продолжала действовать сама по себе, о чем свидетельствуют отчеты иезуитов, а также голландские и британские документы из Нью-Йорка, изобилующие описаниями инцидентов, которые возникали между ирокезскими племенами на почве разногласий в пушной торговле и преобладанием в ней мохоков.²⁷ В частности, Стюйвезант счел необходимым предупредить сенека, чтобы те не применяли голландский порох против мохоков.²⁸ Даже когда в конце семнадцатого века сенека боролись против вторгшихся на их земли саскуэханноков, они были вынуждены вести войну одни, без поддержки своих ирокезских братьев. Лучшее, что можно сказать о Конфедерации – что она предотвратила кровопролитие.²⁹

3. Индейские войны и позиция голландцев

Появление европейского оружия сильно отразилось на межплеменных отношениях. Все предыдущие индейские войны велись при помощи орудий каменного века, а применение ружей сразу увеличивало поражающий эффект. Голландцы сыграли значительную роль в поставках оружия ирокезам. Большинство аргументов в защиту этого факта следует из иезуитских отчетов и других французских источников, которые нельзя назвать объективными. Иезуиты были склонны к выражению точки зрения французов, и описывали события в религиозных, а не социоэкономических терминах.³⁰

Документы свидетельствуют, что голландцы не продавали оружия индейцам во время инцидента с Крикенбеком в 1626 году.³¹ Тогда как Уильям Брэдфорд в 1628 году сообщал, что оружие индейцам продавали французы.³² Скорее всего, некоторые незаконные продажи оружия свободными торговцами иногда происходили с обеих сторон.

31 марта 1639 года голландское колониальное правительство выпустило распоряжение, согласно которому продажа мушкетов, пороха или свинца индейцам каралась смертной казнью.³³ Скорее всего, это распоряжение было вызвано враждебными настроениями индейцев по нижнему течению Гудзона. На севере колонии контроль за выполнением распоряжения был затруднителен. Голландские поставки оружия ирокезам значительно увеличились, когда Вест-Индская компания сдала монополию и стало трудно осуществлять контроль за незаконными торговцами.

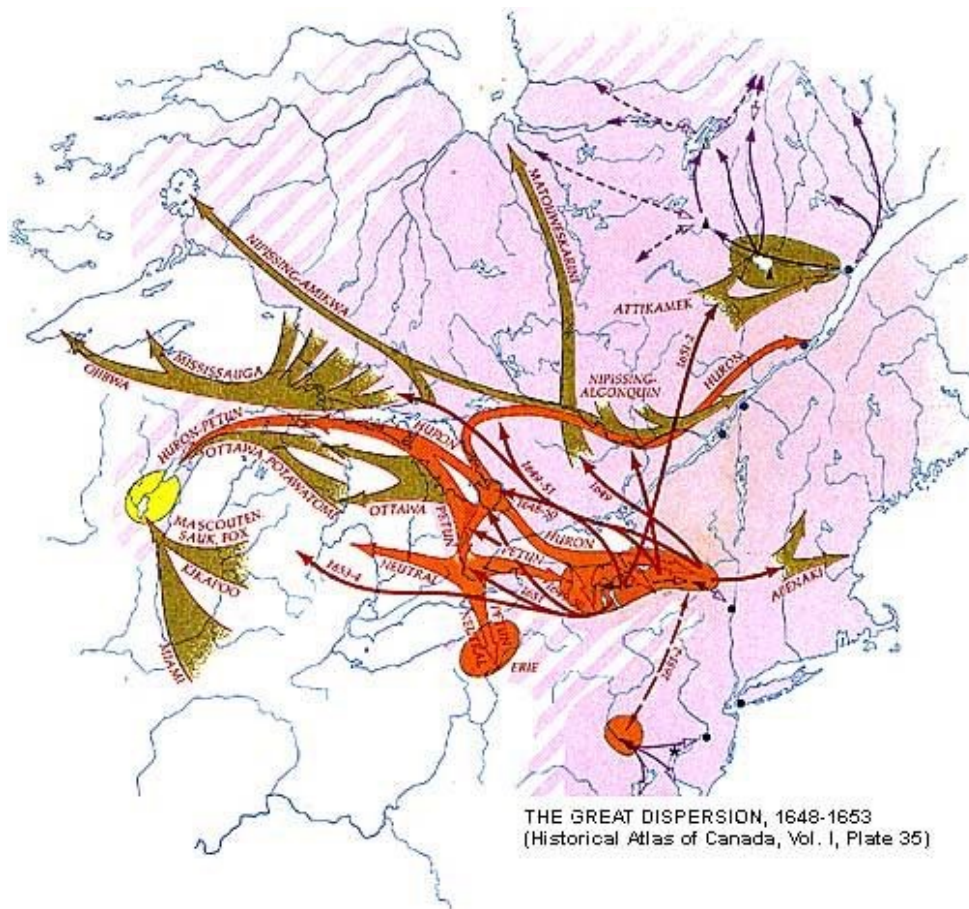
Когда 5 июня 1641 группа мохоков прибыла в Труа Ривьер (Trois Rivieres) чтобы возобновить мирные переговоры с французами, 36 индейцев имели мушкеты и «были в стрельбе столь же искусны, как и французы».³⁴

В 1642 мохоки захватили гуронов, сопровождавших отца Жога. Эти мохоки также имели при себе мушкеты, которые по французским источникам, были получены мохоками от голландцев.³⁵

В 1643г. отец Жог сообщал, что число мушкетов у мохоков равняется трем сотням,³⁶ в то время как преподобный Мегаполенсис (Ван Грутстед), голландец, упоминал что мушкеты мохокам продали голландцы.

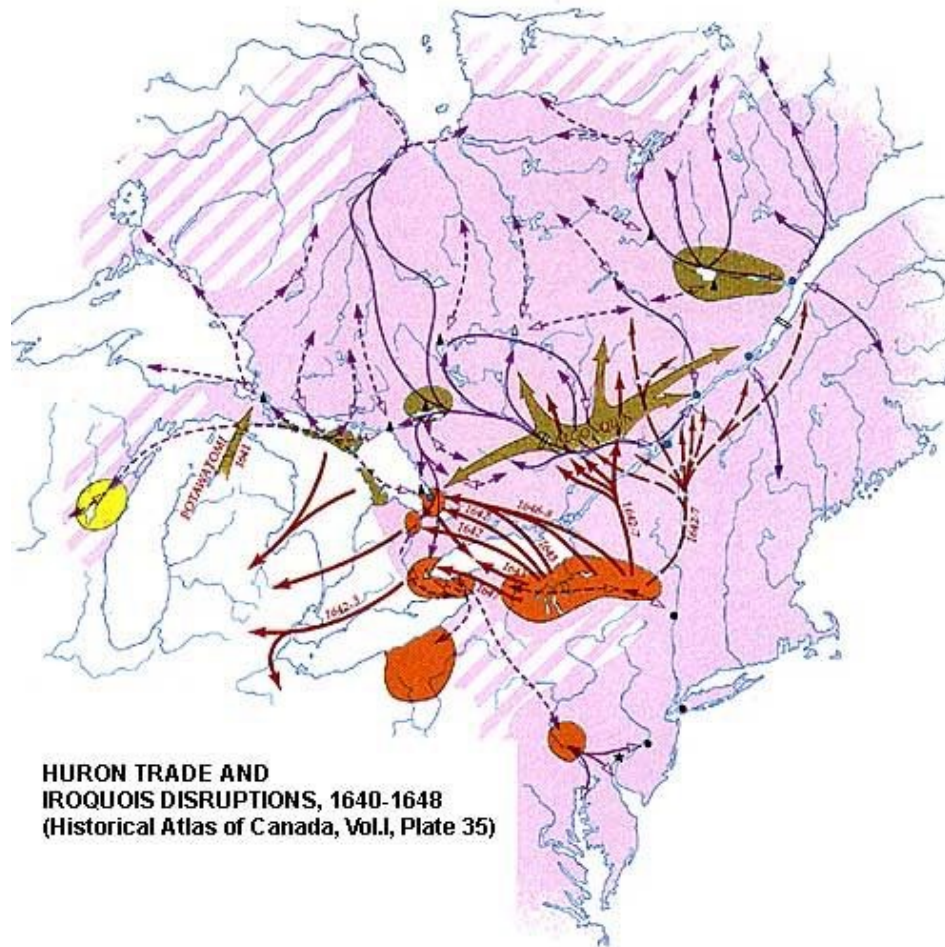
Де Ври в «Путешествиях из Голландии в Америку в 1632-1644 гг» (De Vries, «Voyages from Holland to America A.D. 1632-1644»), оценивает число ружей у

ирокезов в четыре сотни. Он также сообщает, что контролировать продажу ружей было бы сложно и непредусмотрительно с политической точки зрения, так как оружие продавали и англичане, и шведы, и французы.³⁸ Кроме того, индейцы свободно обходились без навязанных европейцами законов и преследовали свои собственные цели. Мохоки нуждались в огнестрельном оружии и амуниции. Если бы голландцы отказались их продать, то индейцы могли бы приобрести их практически где угодно.³⁹ Поэтому, голландцы налагали ограничения, а затем снимали их в зависимости от возникновения угрозы со стороны индейцев и нужд поселенцев. Стюйвезант опасался поставок оружия мохокам, коих он охарактеризовал как «тщеславное, гордое и смелое племя», уже возгордившиеся своими победами над гурунами и французами. Зависимость от мохоков сделала бы голландцев «презренными в глазах других племен», а сами мохоки стали бы выдвигать все новые требования. «Следовательно, для нас было бы более благоразумно гнуть свою линию как можно дольше».⁴⁰

Но в начале сороковых годов семнадцатого века ни у голландцев, ни у мохоков не было другого выбора, так как пушной зверь на ирокезской территории в результате охоты на него был близок к истреблению. Мохоки должны были либо получить свою долю в торговле между гурунами и французами, либо продвигаться на запад. Голландские торговцы пушниной прекрасно это понимали, а значит, и осознавали

необходимость продажи оружия мохокам и другим ирокезским племенам, чтобы те смогли осуществить свои намерения. ⁴¹

Французы, несмотря на свою политику запрета продавать оружие «дикарям-язычникам», все же продавали ружья обращенным индейцам, а само оружие использовали в качестве инструмента обращения. У них в наличии всегда было достаточное количество вновь обращенных, чтобы сохранять постоянную клиентуру в торговле оружием. Тот факт, что к 1649 году ирокезы были вооружены лучше, чем гуроны, не был следствием французской политики запрета на оружие, но всего лишь свидетельствовал о дороговизне оружия у самих французов.⁴²

Кратчайший торговый маршрут между Великими Озерами и атлантическим побережьем проходил по рекам Мохок и Гудзон, а не через реку Св. Лаврентия, поэтому французам приходилось проникать вглубь территории, чтобы убедить гуронов торговать с ними через Квебек. Самим гуронам было предпочтительнее торговать и с голландцами, и с французами. Такой расклад устраивал также и ирокезские племена - сенека и онондага.⁴³ Следовательно, политика французов всегда была нацелена на возбуждение разногласий между ирокезами и гуронами. В частности, визит отца Карона в Гуронию преследовал именно такие цели.

Францисканский монах Сагар-Теодат (Sagard-Theodat) наивно писал: «я надеялся установить мир между гуронами и ирокезами, чтобы распространить среди них христианство и открыть им новые дороги для торговли с другими нациями, которые ранее были для них недоступны, однако некоторые из членов Компании предупредили меня, что это было бы нецелесообразно, так как если гуроны замирятся с ирокезами, то сами же ирокезы приведут гуронов торговать с голландцами, и тогда более отдаленный Квебек останется ни с чем»⁴⁴

Голландцы тоже опасались переориентации в торговых отношениях. Уже в 1634 году хирург Форта Оранж, Хармен Мундертс ван ден Богарт (Harmen Myndertse van den Bogaert), посетил онейда в глубине ирокезской территории. Он сообщил, что среди них также были «союзные французам индейцы, с которыми ирокезы заключили мир, потому что они хотели получать за свои шкурки столько же, сколько союзные индейцы».⁴⁵ Между голландцами и онейда произошли жесткие переговоры, и индейцы пообещали продавать бобровые шкурки только голландцам.⁴⁶ На самом же деле они намеревались продолжить торговлю с французами.

До середины 1640 годов схемы торговых отношений индейских племен с европейцами продолжали оставаться достаточно гибкими. Заключались взаимоприемлемые договоры между различными племенами и европейцами, но они нарушались обеими сторонами при первой же возможности, когда взаимное выражение недоверия провоцировало возобновление маломасштабных военных действий с засадами и контр-засадами.

Таким образом, мохоки время от времени приходили к французам на переговоры. Они подписали договор с Шампленом в 1624 г. наравне с алгонкинами, а уже в 1641 г. мохоки заявляли на весь Квебек, что «пошлют голландцев подальше, потому что больше не хотят поддерживать с ними никаких отношений».⁴⁷ Разумеется, никто не воспринимал подобные заявления всерьез.

В 1645 году ситуация изменилась самым решительным образом. Гуроны и французы снова заключили мир с ирокезами. На следующее лето большая флотилия каноэ, груженных пушниной, безо всяких помех со стороны ирокезов прибыла из глубины материка в Монреаль. Тем не менее, в явное нарушение договора, ирокезам не позволили участвовать в торговле.⁴⁸

Снова возобновились война и блокада. В 1647 гуроны заключили наступательный альянс с саскуэханноками, которые жили к югу от ирокезов, угрожая ирокезам полным окружением. Ирокезы поняли, что им уже никогда не позволят участвовать в пушной торговле на реке Св. Лаврентия. Победить французов было нереально, да и сами ирокезы не хотели уничтожить потенциального поставщика множества необходимых товаров. Зато они решили, что смогут нанести поражение их посредникам – гуронам.

В 1649 году ирокезы проникли вглубь гуронской территории, деморализовав гуронов до такой степени, что те не смогли защититься должным образом, и были полностью рассеяны.

Ирокезы вскоре поняли, что уничтожения Гуронии было недостаточно, так как более отдаленные племена, особенно оттава, перехватили торговлю с французами. Хотя ирокезы предприняли серию атак на северные племена, однако они не могли помешать их торговле по рекам Оттава и Св. Лаврентия.

4. Вождь Канакес: иллюстрация отношений между мохоками, голландцами и французами

В 1653 году некоторые ирокезы опять выразили готовность заключить мир с французами.⁴⁹ Одним из мохокских вождей, присутствующих на таких переговорах, был Канакес (Canaqueese). Его история, хотя и не сохранившая подробностей, представляет из себя интересную иллюстрацию отношений между голландцами, мохоками и французами.

Некоторые голландцы, вроде Арента ван Кюрлера или Иеремии ван Ренсселера, отлично понимали цели и стремления мохоков, однако большинство относилось к мохокам как к дикарям. Однако, это не служило помехой сексуальным контактам. Пастор Мегаполенсис жаловался, что «наши голландцы часто путаются с индейскими девками».⁵⁰ Ван дер Донк объяснял это тем, что индейские женщины были несколько подобны голландским – «редко очень красивы, и редко слишком уродливы».⁵¹

Результатом одного из таких контактов между голландцем и мохокской женщиной был Ян Смит (Jan Smit), позже ставший уважаемым мохокским вождем Канакесом. Первое упоминание о нем встречается в одном из писем Мари Гийяр (Marie Guyart), известной как Мари дель Инкарнасьон (Marie de l'Incarnation), которое она написала своему сыну во Францию. В этом письме она описала нападение на Труа Ривьер в 1650 году.⁵²

Весной 1654 г. Канакес участвовал в переговорах с французами по мирному урегулированию. Он привез с собой несколько писем из Форта Оранж.⁵³ В этих письмах голландцы заверяли французов, «что в настоящее время они наблюдают все условия для заключения Мира со стороны союзных дикарей».⁵⁴ Йоханнс Дикман (Johannes Dycman), «комиссар» Форта Оранж и Бевервика (Beverwysck), писал де Лозону в Квебек: «Податель сего Канакес, которого очень любят Макуас (мохоки), просил у нас рекомендательное письмо к Вашей чести, дабы с ним у вас обходились достойно, не чинили бы препятствий в передвижениях, о чем мы настоящим и испрашиваем».⁵⁵ Это письмо свидетельствует о том, что мохоки придавали большое значение рекомендациям от одной европейской стороны к другой, даже если эти стороны конкурировали между собой.

Самому Канакесу, как представителю мохоков, мирное урегулирование было не по душе, тем более что к миру склоняли в основном онондага и онейда.⁵⁶ В своей речи он четко заявил, что мохоки считают себя самыми главными участниками Конфедерации, поэтому французам следует считаться с ними больше, чем с другими.⁵⁷ Французы проигнорировали это заявление, однако позднее мохоки так и не послали своих представителей на мирные переговоры в Онондага.⁵⁸

Иезуиты не любили Канакеса, называя его «голландцем, или, скорее, отвратительным порождением греха, отпрыском еретика-голландца и язычницы».⁵⁹

Во время переговоров мохоки преследовали свою главную цель - спровоцировать раскол между французами и союзными им индейцами.⁶⁰ Главную же целью французов было не допустить, чтобы мохоки преступили черту, выделяя себя из других, более лояльных французам членов Конфедерации,⁶¹ и в тоже время французы надеялись, что мохокское упрямство оттолкнет от них онейда и онондага и склонит последних к торговле с французами.

Не удивительно, что при таких обстоятельствах мирное соглашение развалилось в течение года, и Канакес лично принимал участие в нескольких стычках, стараясь не пропустить торговцев пушниной в Монреаль.⁶²

В 1658 году мохоки попросили голландцев оказать им помощь в мирном урегулировании с французами. С некоторой неохотой, но голландцам все же пришлось выслать своих волонтеров.⁶³ Поскольку эти попытки заключить мир нехарактерны для проводимой в то время мохоками политики военных действий, то можно предположить, что среди народа мохоков произошел раскол.

Главное контр-наступление французов имело место осенью 1665 года. Это был прямой ответ на нападение мохоков на реке Ришелье, которое, в свою очередь, было ответом на неудачный поход французов вглубь мохокской территории минувшей зимой, когда де Траси ошибочно сообщили о гибели его племянника, и он выслал туда спасательный отряд. Французы встретились с Канакесом и группой мохоков, когда те возвращались в Квебек, чтобы вернуть пленных и возобновить мирные переговоры. С того самого времени Канакес, которого французы называли не иначе как «фламандский ублюдок» («Flemish Bastard»), содержался в Квебеке под видом ареста. Французы, не смущаясь, оказывали прямое давление на Канакеса и его группу. С одной стороны, французы потребовали у товарищей Канакеса, чтобы те смастерили им снегоступы, которые, как понимали индейцы, были предназначены против их же народа. С другой стороны, Жан Талон относился к Канакесу с уважением, а де Траси подарил ему богатый костюм.

Жан Талон

14 сентября 1665 г., когда армия была сформирована и готова к выступлению, месье де Траси приказал ей пройти строем перед Канакесом, и сказал ему: «А сейчас, когда мы направляемся в вашу страну, что Вы скажете?» Мари дель Инкарнасьон писала: «Слезы упали из глаз Фламандского Ублюдка, когда он увидел марширующие в строю войска». Тем не менее, он смог ответить: «Ононтио», – то есть, «великий вождь» – «я ясно вижу, что мы проиграем, но наше поражение будет стоить вам очень дорого. Пусть не станет нашего народа, но я предупреждаю вас, что останется множество замечательных молодых воинов, чтобы бороться до конца. Я же только прошу Вас о спасении моей

жены и детей, которые находятся в таком-то и таком-то месте». ⁶⁴

После того как де Траси вернулся из кампании, где они столкнулись с малым количеством мохокских воинов, но нанесли серьезный ущерб мохокским селениям и урожаю, он отправил Канакеса назад для поиска сбежавших от него людей и приказал сообщить им, что если они еще раз начнут возмущение, он снова вернется и в этот раз они уже не отделаются так легко. ⁶⁵ В ту зиму гораздо больше мохоков - женщин и детей - умерло от голода, чем впоследствии было убито белых во время набега на Лашин (Lachine).

История с Канакесом указывает на прямое и косвенное сотрудничество между голландцами, мохоками и французами. Некоторые французы, вроде Отца Жога или Радиссона, захваченные мохоками, были выкуплены голландцами. Во время переговоров 1653 и 1654 годов, между де Лозоном и Дикманом завязалась переписка. ⁶⁶

Сотрудничество между голландцами и французами носило также и незаконный характер. Приграничные охотники-трапперы («coureurs des bois»), не довольные своими работодателями в Монреале, и привлекаемые голландскими и английскими товарами лучшего качества, протоптали дорожку к Форту Оранж, а затем и в Олбани. Должностные лица Новой Франции иногда задерживали их и учиняли им допрос, но в основном они передвигались достаточно свободно, а некоторые даже оставались на поселение около Олбани. ⁶⁷ Мари дель Инкарнасьон упоминает в письме, датированном октябрём 1658 г., что в том году французы и голландцы вели между собой значительную торговлю. ⁶⁸ Однако, она вполне могла иметь ввиду внешнюю торговлю, поскольку товарооборот между Францией и Новой Францией находился в руках голландцев. ⁶⁹ Груа (Groux) оценил незаконную торговлю во времена губернаторства Талона в размере 1 200 000 фунтов, эквивалентных стоимости бобровых шкур, ежегодно продаваемых на рынках форта Оранж и Бостона. ⁷⁰

В 1678 г. исследователь Ла Саль начал свою известную экспедицию из форта Олбани вниз по реке Миссисипи. ⁷¹

Позднее, после заключения Утрехтского соглашения, торговцы в Олбани сочли более выгодным и менее хлопотным торговать с французами, а охотников-трапперов нанимать в качестве дистрибьюторов товара среди индейцев в отдаленных районах. ⁷²

В контексте истории с Канакесом, особое внимание привлекают заметки Нэша (Nash) касательно индейских вождей в других областях Северной Америки. Он утверждает, что отпрыск мужского рода, рожденный от белого отца индейской матерью, часто становится лидером своего племени, и как правило, остается в рамках своей индейской общины. Эти люди более отчуждены от белых, чем остальные индейцы, возможно в силу того факта, что их белые отцы оставляли их «как быки или медведи оставляют своих случайных детенышей на попечение своих матерей» и «некоторые из этих бастардов стали известными людьми или

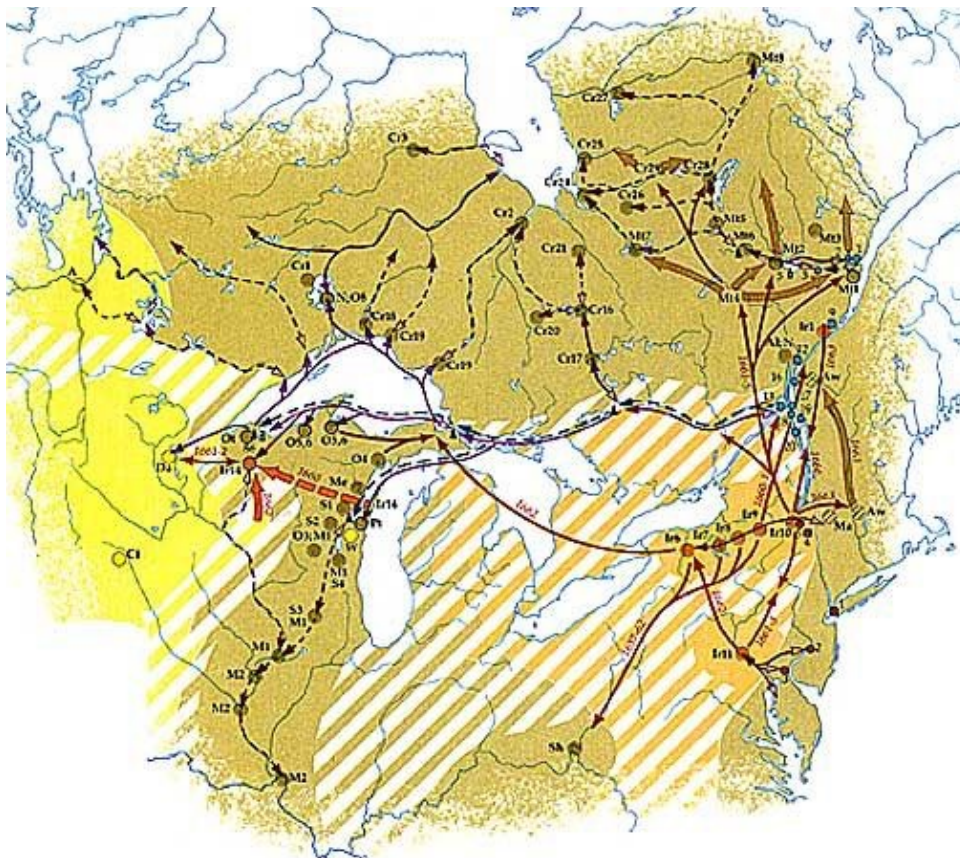
военными вождями, которые нанесли нам такой ущерб» – именно так писал один вирджинский поселенец.⁷³ К истории с Канакесом есть небольшой постскрипtum. Согласно отчетам иезуитов, позднее он обосновался около Монреаля, в Канавага (Caughnawaga), вместе с другими своими соплеменниками, которые впоследствии стали известны как «молящиеся индейцы»⁷⁴

Позднее Канакес участвовал в кампании Денонвиля против сенека (1687 г.), где возглавлял 150 христианских индейцев.⁷⁵ Таким образом, Канакес отвернулся не только от голландцев, но и от собственного племени, а также и Конфедерации в целом.

5. Ослабление позиций голландцев и ирокезов

Шестидесятые годы семнадцатого века были важным периодом в истории Северной Америки. В это время французы предприняли самую большую кампанию против мохоков, а голландская колония Новые Нидерланды в 1664 году была завоевана британцами и переименована в Нью-Йорк. Для голландцев Форта Оранж (в настоящее время Олбани) мало что изменилось, так как британцы придерживались той же политики в отношении индейцев и французов, что и голландцы. Пренебрежение и непонимание между Олбани и Нью-Йорком походили на отношения между Фортом Оранж и Новым Амстердамом. Британцы приветствовали мир, заключенный в 1667 году, однако голландцы из Олбани, как обычно, беспокоились, что мирные отношения могут отразиться на ориентации торговли. В 1667 году Арент Ван Кюрлер направился в Квебек для обсуждения торговых отношений с французами, хотя официальной целью его поездки было получение вознаграждения от французов за услуги, оказанные ранее в Шенектади (Scheneectady). Но он так и не добрался до Квебека, поскольку утонул в озере Шамплен при таинственных и сомнительных обстоятельствах.⁷⁶

В течение этого периода времени межплеменные войны велись за достижение экономических выгод, а состав альянсов менялся в угоду моменту. Сенека попали

IROQUOIS DISRUPTIONS, 1660-1666
(Historical Atlas of Canada, Vol. I, Plate 37)

под значительное давление саскуэханноков и французов.⁷⁷ Онондага и онейда продолжали укреплять отношения с французами вопреки желанию мохоков, но были преданы деонндади, которые внезапно появились в Мичилимакинаке (Michilimackinack) в 1686 году и выражали интерес к торговле с голландцами. Деонндади избрали старый политический прием разжигания розни. Их не устраивали попытки создания мирных взаимоотношений между онондага, онейда и французами, поскольку это помешало бы их торговле с голландцами. А вот из войны между ирокезами и французами⁷⁸ они могли извлечь выгоду.

Поэтому они убедили ирокезов, что французы составляют против них заговор. В ответ ирокезы напали на Лашин. В результате оттава, пораженные жестокостью ирокезов, на время покинули французов, и в торговых отношениях восстановилось хрупкое равновесие.⁷⁹ Таким образом, первая попытка голландцев установить прямые торговые контакты с индейцами на их территории была скомкана в результате межплеменных интриг, и негативно повлияла на безопасность поселенцев на острове Монреаль.

Эти войны никогда не вызывались племенной или языковой враждой. Гуроны вполне могли сотрудничать с алгонкинами и выступать против других ирокезов. Они даже могли сотрудничать с онейда и воевать с мохоками. В любом случае, это были войны между охотниками и другими охотниками, или между торговцами и другими торговцами, но никогда между охотниками и торговцами.⁸⁰

К концу семнадцатого столетия зависимость от Олбани начала доставлять ирокезам серьезные неудобства. Единственный рынок в Форте Оранж и в более ранние годы недостаточно удовлетворял их нужды, поэтому они одновременно пытались наладить торговлю и с французами.

Ирокезы вскоре осознали, что британцы и голландцы вовлекли их в борьбу за интересы европейских держав без оказания значительной военной поддержки. Агрессивность мохоков и их ревностное отстаивание своих позиций в торговле также навлекло на них вражду соседних племен, включая других членов Конфедерации.

Проникновение французов вглубь материка, лишь временно приостановленное конфликтами между Ласалем и Лефевром Ла-Барром (LaSalle and Lefebvre La Barre), укрепило позиции французов, и ирокезам пришлось смириться с фактом, что им никогда не удастся достаточно эффективно перекрыть торговлю пушниной в направлении Монреаля. Ирокезам больше некуда было отступить.⁸¹

В 1668 году ирокезы вели переговоры в Олбани и Монреале, пытаясь добиться поддержки от голландских торговцев и британских колониальных властей, и в тоже время пытались договориться с французами.⁸² Эти попытки имели лишь краткий успех, поэтому вскоре опять разразилась «малая война».

На сей раз, французы применили индейский метод атаки при нападении на Олбани. Однако, недисциплинированным войскам французов удалось лишь

разрушить Шенектади в 1689 г. Кампания против французов, предпринятая в 1690 г. майором Шуйлером из Олбани закончилась неудачей из-за недостатка средств и дисциплины, поэтому мохокам пришлось вынести на себе основной груз сражения во время набега на Прери де Магдален (La Prairie de Magdalene).⁸³

Голландцы из Олбани последний раз участвовали в военных действиях в 1709 году, когда разгорелся конфликт во французской торговой миссии на территории онондага, в непосредственной близости от границ голландской колонии. Миссия была разгромлена голландцами под командованием Шуйлера и при участии группы мохоков. Более серьезная кампания, запланированная на 1711 год, так и не была полностью реализована, так как не вышла за верховья озера Шамплен.

Роль голландцев на переднем фронте конфликтов подошла к концу. Во время последнего столкновения между британцами и французами во франко-индейской войне (1754-63 гг.), голландцы лишь выполняли роль поставщиков при «красных мундирах». Они смогли заработать значительную прибыль, и в тоже время явились свидетелями первой волны англоговорящих поселенцев, которые в конечном счете одержали верх.⁸⁴

Последние отношения между голландцами и мохоками имели место во время Революционной войны, когда в 1780 г. ирокезы под руководством Джозефа Бранта вернулись из Канады на земли предков, чтобы разорить Долину Мохоков.⁸⁵

6. Заключение

Таким образом, влияние голландцев на Ирокезские войны носило косвенный характер. Они поставляли мохокам товары и оружие, а мохоки выработывали политику и вели основные боевые действия.

Голландцы никогда не строили реальных военных планов против французов с целями их устранения из сферы пушной торговли на территории Северной Америки. Боевые действия происходили между ирокезами и другими индейскими племенами, а также между ирокезами и французами.

Лишь во время восстания Лестера некоторым голландским колонистам из Нью-Йорка приходила мысль о создании некоего «плана» по устранению французского управления. Однако Лестер не получил достаточной поддержки, и задумывал нечто вроде «великого альянса» в европейских традициях того времени, не осознавая в полной мере особенностей новой географической ситуации.

Главным направлением политики торговцев пушниной из Форта Оранж, а затем из Олбани, была интенсивная многосторонняя торговля с привлечением как можно большего количества участников, включая французских охотников-трапперов. Для сохранения торговых отношений голландцы были вынуждены признать доминирующее влияние мохоков в пушной торговле, а также сам факт торговли оружием, какой бы опасностью он ни грозил.

Голландцы старались держаться в стороне от индейцев. Они не пытались привлечь их на свою сторону и, в основном, не смешивались с ними. В Северной Америке голландцы исполнили роль катализатора в уже существующей структуре межплеменных конфликтов, и в частности, их отношения с ирокезами носили вынужденный, а не запланированный характер. Столкнувшись с превосходством мохоков, они сумели извлечь выгоду из этой ситуации. Голландцы не вынашивали планов помешать французам в торговле пушниной путем провоцирования индейских войн, которые, в конечном итоге, так же негативно повлияли на торговлю голландцев, как и самих французов. Скорее всего, голландцы просто не имели возможности повлиять на ситуацию.

Библиография

Bachman, Van Claeff. Peltries or Plantations. The Economic Policies of the Dutch West Indian Company in New Netherland 1623-1639. Baltimore: The John Hopkins Press, 1969.

Burnham, Koert K. "Arent van Curler, Alias Corlaer." *De Halve Maen*, Spring 1978, 1,7-8.

Colden, Cadwallader. The History of the Five Indian Nations, Depending on the Province of New York in America. Ithaca: Cornell University Press, 1958. Reprint of the 1727 (Part I) and 1747 (Part II) Editions.

Eccles, Eva M. "The Van Rensselaers of the Seventeenth Century." *De Halve Maen*, Winter 1978, 4.

Grassmann, Thomas. The Mohawk Indians and their Valley, being a chronological documentary record to the end of 1693. Schenectady, N.Y.: 1969.

Hamlin, Jean. *Economie et Société en Nouvelle-France.* Thèse présentée à l'Ecole Pratique des Hautes Etudes à Paris, 1968.

Hunt, George T. The Wars of the Iroquois. Madison, Wisc., 1940.

The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Explorations of the Jesuit Missionaries In New France, 1610-1791. R.G. Thwaites, ed. Cleveland: The Burrows Brothers Company, Publisher, 1899.

Kenny, Alice P. Stubborn for Liberty. The Dutch In New York. Syracuse University Press, 1975.

Leder, Lawrence H. ed. The Livingstone Indian Records 1666-1723. The Pennsylvania Historical Association. Gettysburg, Pa., 1956.

Marshall, Joyce, ed. Word from New France. The Selected Letters of Marie de l'Incarnation. Toronto: Oxford University Press, 1967.

Munsell, Joel. Annals of Albany. Albany, 1951.

Nash, Gary B. Red, White, and Black: the peoples of early America. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1974.

O'Callaghan, E. B. The Documentary History of the State of New York. Albany Weed, Parsons, 1856.

Osgood, Herbert L. The American Colonies in the Seventeenth Century, Volume II: The Chartered Colonies. Beginnings of Self Government. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1957.

Parkman, Francis. The Jesuits In North America. Boston: Little, Brown and Company, 1963.

Rink, Oliver A. «Company Management or Private Trade: The Two Patroonship Plans for New Netherland». New York History, 59 (11), 1978, 5-26.

Smith, George L. Religion and Trade in New Netherland. Ithaca: Cornell University Press, 1973.

Trealease, Allen W. Indian Affairs In Colonial New York: The Seventeenth. Century. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1960.

Trigger, Bruce G. "The Mohawk-Mahican War (1624-28): The Establishment of a Pattern." The Canadian Historical Review, LII, 3, September 1971, 276-286.

Trudel, Marcel. The Beginnings of New France, 1524-1663. Toronto: McClelland and Stewart Limited, 1973.

Van der Zee, Henri and Barbara. A Sweet and Alien Land: the story of Dutch New York. New York: The Viking Press, 1978.

Van Laer, Arnold J.F., ed. Van Rensselaer Bowier Manuscripts. Albany, 1908.

Van Rensselaer, Jeremias. Correspondence of Jeremias van Rensselaer, 1651-1674. Translated and edited by A J. F. van Laer. Albany: The University of the State of New York, 1932.

Williamson, W.M. Adriaen Block, Navigator, Fur Trader, Explorer, New York's First Shipbuilder. Marine Museum of the City of New York, 1959.

Примечания

- ¹ Hart, "The Prehistory of the New Netherland Company," pp.13-15, as quoted by George L. Smith, *Religion and Trade in New Netherland*, p.143
- ² Van Claef Bachman, *Peltries or Plantations*, p. 3.
- ³ W.M. Williamson, *Adriaan Block*, *passim*.
- ⁴ Bachman, 15.
- ⁵ Smith, 147.
- ⁶ Bachman,131,141,144-145.
- ⁷ Arnold J.F. Van Laer, ed. *Van Rensselaer Bowier Manuscripts*, 433.
- ⁸ Bachman, 12.
- ⁹ *Ibid*.
- ¹⁰ Oliver A. Rink. "Company Management or Private Trade." *New York History*, 59(11), 1978, 5-26.
- ¹¹ Henri and Barbara Van der Zee. *A Sweet and Alien Land*, 11.
- ¹² *Ibid*, 204
- ¹³ *Jesuit Relations and Allied Documents*.
- ¹⁴ Eva M. Gardner. "The Van Rensselaers of the Seventeenth Century." *De Halve Maen*, Winter 1978, 4, 3.
- ¹⁵ Herbert L. Osgood. *The American Colonies in the Seventeenth Century. Volume II: The Chartered Colonies, Beginnings of Self-Government*, 120-125, 95.
- ¹⁶ Thomas Grassmann. *The Mohawk Indians and Their Valley, being a chronological documentary record to the end of 1693*, 234-236, quoting *Calendar of Historical Manuscripts*, ed. E. B. O'Callaghan, D-225, 226, 36.
- ¹⁷ E.B. O'Callaghan, ed. *Documents Relative to the Colonial History of the State of New York*, vol. III,43-44, quoting «Description and First Settlement of New Netherland». From *Wassenaer's Historica van Europa*, Amsterdam,1621-1632.
- ¹⁸ Grassmann, 38.
- ¹⁹ *Ibid*, 279, quoting H.P. Biggar, ed., *The Works of Samuel de Champlain*, 96.

- ²⁰ Bruce G. Trigger. "The Mohawk-Mahican War (1624-28) The Establishment of a Pattern." *The Canadian Historical Review*, LII, 3, September 1971, 278.
- ²¹ Jeremias van Rensselaer. *The Correspondence of Jeremias van Rensselaer*, 220, 227.
- ²² *Ibid.*, 449.
- ²³ *Ibid.*, 327.
- ²⁴ Allen W. Trelease. *Indian Affairs In Colonial New York*, 115.
- ²⁵ Francis Parkman. *The Jesuits in North America*, xix-xx.
- ²⁶ Marcel Trudel. *The Beginnings of New France, 1524-1663*, 146-147.
- ²⁷ *Jesuit Relations*, 41:133, 135, 201, 203; JR: 43, 139.
- ²⁸ Jeremias van Rensselaer, 21.
- ²⁹ George T. Hunt. *The Wars of the Iroquois*, 8.
- ³⁰ Hunt, 165
- ³¹ O'Callaghan, 111, 33, 43.
- ³² Hunt, 166-167.
- ³³ Van Laer, RBMM, 426
- ³⁴ *Jesuit Relations*, 21: 350-7 and 22:269
- ³⁵ *Ibid.*, 29:30.
- ³⁶ *Ibid.*, 24:305.
- ³⁷ Grassmann, 91.
- ³⁸ *Ibid.*, 168, quoting CHM - D, 135, 215.
- ³⁹ O'Callaghan, XI11, 35.
- ⁴⁰ *Ibid.*, XI11, 124-126.
- ⁴¹ Van Laer, RBMM, 553. See also O'Callaghan, XII, 35-36.
- ⁴² Hunt, 174.
- ⁴³ *Jesuit Relations*, 21:51~59.

⁴⁴ Trudel, 226.

⁴⁵ Hunt, 70, quoting Sagard: *Histoire du Canada*, III, 811. See also Donald Creighton, *Dominion of the North*, 28-29.

⁴⁶ Codman Hislop, *The Mohawk*, 48

⁴⁷ *Ibid.*, 60-61.

⁴⁸ Hunt, 83.

⁴⁹ *Jesuit Relations*, 40: 89, 91.

⁵⁰ van der Zee, 106.

⁵¹ *Ibid.*, 106-107

⁵² *Jesuit Relations*, 35:211 -213.

⁵³ *Ibid.*,41 :85-87.

⁵⁴ *Ibid.*, 41:87.

⁵⁵ Grassmann,

⁵⁶ *Jesuit Relations*, 40:89.

⁵⁷ *Ibid.*, 41:85.

⁵⁸ Joyce Marshall, ed., *Word from New France. The Selected Letters of Marie de l'Incarnation*, 402. See also Hunt, 100

⁵⁹ *Jesuit Relations*, 35:213.

⁶⁰ *Ibid.*,41 :55, 57-61.

⁶¹ *Ibid.*, 41:61 -65.

⁶² *Ibid.*,42:229-239.

⁶³ *Ibid.*, 44:103,105. See also Grassmann, 190-191, quoting from the Court Minutes of Fort Orange and Beverwyck 1652-1656, edited by A.J.F. Van Laer,11,149152.

⁶⁴ Marshall, 319-320.

⁶⁵ *Ibid.*, 327. See also *Jesult Relatlons* 50:205,209.

⁶⁶ Grassmann, 152-153

- ⁶⁷ Alice P. Kenny. *Stubborn for Liberty. The Dutch In New York*, 61
- ⁶⁸ Marshall, 234.
- ⁶⁹ W.J. Eccles. *The Canadian Frontier*, 8ff.
- ⁷⁰ Jean Hamelin. *Economie et Société en Nouvelle France*, 48.
- ⁷¹ Kenny, 73.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Gary B. Nash, *Red, White, and Black: the peoples of early America*, 283.
- ⁷⁴ *Jesuit Relations*, 35:292.
- ⁷⁵ Grassmann, 446, quoting *British State Papers 1685-88*: 425, no. 1416 and *New York State Documents*, 3:433-436.
- ⁷⁶ Cadwallader Colden. *The History of the Five Indian Nations*, 18. See also: Jeremias van Rensselaer, 391 and Koert D. Burnham, «Arent van Curler, Alias Corlaer.» *De Halve Maen*, Spring 1978, 1,7-8.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Grassmann, 452-454, quoting *NYD 3*:436-438 and *BSP: 1685-88*: 431-432 no.1428.
- ⁷⁹ Colden, 70-72.
- ⁸⁰ Hunt, 21.
- ⁸¹ Lawrence H. Leder, ed., *The Livingston Indian Records 1666-1723*, 128.
- ⁸² Grassmann, 466-470, quoting *NYD 3*:557-561, *BSP 1685-88*, 559 no. 18961x, *CHM-E*: 172, no. 172,173, 174,181.
- ⁸³ O'Callaghan, IV, 247.
- ⁸⁴ Kenny, 183- 142.
- ⁸⁵ Ibid., 169-172.

* Indian giver - «индейский даритель». Устойчивое выражение американского варианта английского языка, означающее любого, кто преподносит дар, а затем забирает его обратно. В ранний период колонизации Северной Америки индейцы иногда приносили поселенцам в дар предметы первой необходимости, а когда у поселенцев отпадала необходимость в этих предметах, требовали свой «дар» обратно. Это устойчивое выражение приобрело очевидный негативный оттенок по отношению к индейцам приблизительно в восемнадцатом веке. (прим. переводчика)